

Научная статья

УДК 82.09

DOI 10.17223/18137083/81/15

**Ассоциативная поэтика неоавангардного текста:
«Себастиан во сне» В. Іваніва**

Александр Анатольевич Житенев

Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия

superbia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6365-4138>

Аннотация

Исследуется ассоциативная структура современного неоавангардного текста – стихотворение новосибирского поэта В. Іваніва «Себастиан во сне» (2015). Это стихотворение строится как палимпсест интермедийных и интертекстуальных аллюзий. Точкой отсчета оказывается увиденная в детстве репродукция картины Ханса Бальдунга Грина «Мученичество Св. Себастьяна» (1507), вокруг которой поэт выстраивает кенотический миф. Образ Себастьяна оказывается синтетическим: это образ поэта как сакральной жертвы, которая должна восстановить целостность бытия. Интертекстуальные отсылки – способ установить связи между двумя эпохами – 1910-ми и 2010-ми гг. В. Іванів соотносит по ряду оснований тексты Г. Тракля («К умершему в юности») и Е. Гуро («Бедный рыцарь», «Осенний сон»), отмечая, что их объединяют «сновидность» мировосприятия, мотив гибнущей юности, обратимость «сна» и «травмы». Расширяя круг значений, связанных с образом Себастиана-Вильгельма, В. Іванів расширяет и круг литературных контекстов, вспоминая концепции В. Хлебникова и построения Г. Гейма.

Ключевые слова

экфрасис, интермедийность, интертекстуальность, репрезентация, поэтика авангарда

Благодарности

Статья выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00205 «Поэт и поэзия в постисторическую эпоху»

Для цитирования

Житенев А. А. Ассоциативная поэтика неоавангардного текста: «Себастиан во сне» В. Іваніва // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 193–205. DOI 10.17223/18137083/81/15

© Житенев А. А., 2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 193–205
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 4, pp. 193–205

The associative poetics of the neo-avant-garde text: “Sebastian in Dream” by Vyktor Ivaniv

Aleksandr A. Zhitenev

Voronezh State University
Voronezh, Russian Federation
superbia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6365-4138>

Abstract

The paper examines the associative structure of a modern neo-avant-garde text by analyzing the poem “Sebastian in Dream” written by Novosibirsk poet Vyktor Ivaniv. This poem’s structure is a palimpsest of intermedial and intertextual allusions allowing the poetry of the Russian and German literary avant-garde to be correlated. The starting point, however, is not a literary impression but a pictorial one – a childhood reproduction of Hans Baldung Grien’s painting “Martyrdom of St. Sebastian”, around which the poet’s kenotic myth is constructed. The Sebastian’s image seems synthetic: it is the poet’s image as a sacred sacrifice that is to restore the existence integrity. Ivaniv correlates the texts of G. Trakl (“To the dead in his youth”) and E. Guro (“The poor knight”, “Autumnal dream”), noting their common “dream-like” worldview, the motif of a dying talented youth, and the reversibility of “sleep” and “trauma”. Young poet’s death grows into a symbol reflecting the tragic structure of the world. When expanding the range of meanings associated with the image of Sebastian-Wilhelm, Ivaniv also broadens the range of literary contexts, recalling the historiosophic concepts of V. Khlebnikov and the visionary compositions of G. Heym. The context correlation aims to remove the boundaries between the word and reality: the protagonist in E. Guro’s books dies not in the text but in the village of Uusikirkko, where the poetess lived with M. Matyushin. Ivaniv combines the “life texts” and “art texts”, with the metaphor of the cut throat illustrating the practices of self-destruction in reality.

Keywords

ekphrasis, intermediality, intermediality, intertextuality, representation, avant-garde poetics

Acknowledgments

This work was supported by the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00205 (“Poet and poetry in the post-historical era”)

For citation

Zhitenev A. A. The associative poetics of the neo-avant-garde text: “Sebastian in Dream” by Vyktor Ivaniv. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 4, pp. 193–205. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/81/15

Многовекторность развития – отличительная черта литературного процесса двух первых десятилетий XXI в. Равно легитимны и актуальны все традиции, и любая инновация требует указания на контекст, в котором она производится. В этом контексте отсылка к авангарду меняет свой смысл: нет больше «передовых отрядов», но возможны разные варианты актуализации авангардного мышления – на уровне поэтики, семиозиса, авторского поведения.

Литературная практика новосибирского поэта и прозаика В. Иваніва (1977–2015) – характерный пример такого избирательного взаимодействия с историческим авангардом 1910–1920-х гг. – как отечественным, так и зарубежным. Эта преемственность отмечается почти во всех отзывах на его книги, хотя традиции указываются разные. И. Гулин акцентирует обэриутскую линию: «Іванів – один из самых интересных в современной литературе последователей обэриутского пись-

ма»¹. Н. Сунгатов говорит о футуристической доминанте: «В новой книге Виктор Иванів продолжает работу с футуристским наследием» [Хроника..., 2014, с. 291].

Все рецензенты последней поэтической книги В. Иваніва «Себастиан и в травме» (2015) единодушно указывали на то, что и ее название, и заглавное стихотворение («Себастиан во сне. Здесь нет кровосмешения») связаны с последней книгой Г. Тракля «Sebastian im Traum» (1915), однако содержание этой отсылки так и осталось нерасшифрованным. Между тем стихотворение о Себастьяне может рассматриваться как пример «программного» текста, выражающего сущностные черты авторской историософии и поэтологии, а также принципы соотнесения цитатных контекстов, словесных и зрительных ассоциаций.

С. Лебедев, отмечая разноплановость смысловых рядов этой книги, говорит об «игре»: «Всяких песен хватает в этой книге: хоккеистов Селянне и Ягра сменяют битлазы с пончо, с Люсилью в небесах, иной раз – Виктор Цой, а стихотворение “Дураки на Каме” вообще оммаж Егору Летову, такого же рода, что и “Себастиан” – Траклю» [Хроника..., 2016, с. 250]. Д. Ларионов акцентирует не игровое, а катастрофическое сопряжение разных типов речи: «Творчество Иваніва – это литература постоянного риска <...> За всем этим виден не произвол, а свобода и безнадежность, которые могут возникнуть, когда противоречия с бытием принципиально неразрешимы» [Там же].

Стихотворение «Себастиан во сне. Здесь нет кровосмешения» примечательно тем, что аллюзии, попадая в поле взаимного притяжения, изменяют друг друга, и образный ряд перестает с определенностью указывать на какой-то источник, выступая «результатирующей» многих сил и влияний.

Одной из этих сил является скрытая интермедиальная («экфрастическая») отсылка в самом начале текста, заставляющая видеть в образе Себастиана не только и не в первую очередь влияние Г. Тракля: «Себастиан во сне. Здесь нет кровосмешения / А все же вот оно. Рубашка вся в крови. / И петля на копье ну а сердцебиения / Во сне давно уж нет дыхание лови» (Иванів, 2015, с. 11)².

«Кровь», «петля», «копье» отсылают к иконографии св. Себастьяна, которая в контексте творчества В. Иваніва имеет вполне определенный референт. В повести «Город Виноград» образ Себастьяна связывается с детским приобщением к языку живописи: «В стеллаже, который дядя Алик сделал лесенкой, были книги “Дюрер и его эпоха”, “Tout Paris” и “Борьба за моря”. В этих книжках, на темных репродукциях я впервые увидел нагих Адама и Еву, Давида, Куроса, Венеру перед зеркалом, скелеты, нищих, дьявола, смерть и всадника, инфанту Маргариту, брак в Кане, союз земли и воды и распятие. <...> Мы увидели Святого Себастьяна, который был привязан к дереву в повязке, деревянные стрелы пронзали ноги, руки и живот, из-под них сочилась кровь – были нарисованы кровоподтеки. Вокруг были изображены лучники и сумрачные бородатые мужчины в шапках. Себастьян выкатил глаза и почему-то странно улыбался, как женщина. <...> Потом я увидел страшные картины: “Христос во гробе”, эта длинная и узкая, и “Мертвый Христос”, эта высокая. У него были страшно проколоты кисти рук и ступни. Они были прибиты к доскам гвоздями. Себастьян не казался страшным, был даже веселым. В картинках этих что-то маячило, сейчас я даже сказал бы, что на меня кто-

¹ Гулин И. Поэзия последней секунды // Коммерсантъ Weekend. 2015. № 8. 6 марта. С. 32.

² Все цитаты из стихотворения В. Иваніва отсылают к этой странице.

то глядел, не с них, а неизвестно откуда-то сбоку. А тут я сейчас же представил, как это – пробить руки и ступни гвоздем» (Иванів, 2012, с. 56).

Речь идет о книге М. Я. Либмана «Дюрер и его эпоха: Живопись и графика Германии конца XV и первой половины XVI века» (1972), и, в частности, о разделе «Ганс Бальдунг, по прозвищу Грин», воспроизведенном позднее в сборнике «Очерки немецкого искусства позднего Средневековья и эпохи Возрождения» (1991). В фокусе внимания поэта – нюрнбергский алтарь Г. Бальдунга «Мученичество св. Себастьяна» (1507).

Ханс Бальдунг Грин. Мученичество Св. Себастьяна. 1507
Германский национальный музей, Нюрнберг
Hans Baldung Grien. The martyrdom of St. Sebastian. 1507
German National Museum, Nuremberg

М. Либман в своей работе уделяет ему небольшой фрагмент, отмечая, что это одна из первых больших работ художника, отразившая целый ряд характерных черт, в том числе декоративность и парадоксальную свободу от сюжетного драматизма: «Прелесть живописи в изумительной интенсивности и ликующей красоте колорита. <...> Так, в нюрнбергском “Св. Себастиане” основным цветовым аккордом центральной створки являются канареечно-желтый, фиолетовый и золотистый. <...> От религиозного содержания уводит <...> наличие портретных изображений <...> В алтаре Св. Себастиана – франтовато одетый персонаж справа, сам Себастиан, блондин с кокетливыми усиками, безучастный к собственным страданиям, и, наконец, юноша за ним, в карминовом берете <...> В этом образе исследователи открыли автопортрет художника» [Либман, 1991, с. 181].

В современных исследованиях этой работы, в частности у И. Коттке, акцентируется особая коммуникативная коллизия, связанная с присутствием художника

в качестве свидетеля, который сам смотрит на зрителя [Kottke, 2018, p. 15–28]. В работе Дж. Корнера этот ход, в целом не уникальный для Северного Возрождения, связывается с особой «герменевтикой» смерти: «Смерть у Балдунга становится, так сказать, “герменевтической”, то есть оказывается формой изменения, которая требует, чтобы изображения рассматривались как знаки, указывающие за пределы самих себя» [Kotner, 1985, p. 93]. Исследователь полагает, что взгляды, обращенные к зрителю, являются частью конструкций *memoria mori*, они вовлекают в сюжет, но не в любой, а в прежде всего в тот, который связан с гибелью одного из персонажей, – и алтарь Св. Себастьяна является одним из самых характерных примеров [Ibid., p. 55].

Именно такой зрительный контакт («На меня кто-то глядел <...> неизвестно откуда-то сбоку») оказывается у В. Іваніва важнейшим свойством живописи, позволяющей оказаться «внутри» сюжета («А тут я сейчас же представил, как это – пробить руки и ступни гвоздем»). Имя Себастьяна здесь прочитывается не только как отсылка к конкретному сюжету, но и как обобщенный знак гибели.

В стихотворении «Себастьян во сне...» маркер мученичества объединяет сразу несколько сюжетов и контекстов, один из которых явно отсылает к русскому футуризму, к Е. Гуро. На этот контекст, с одной стороны, указывает имя «Вильгельм», уводящее к биографическому мифу об умершем сыне Вильгельме Нотенберге: «Как на качелях и мишенях – вон он / Вильгельм шатается и падает на лед». С другой стороны, есть и еще одно, не менее конкретное указание – топоним Уусикиркко, биографически связанный с Е. Гуро и М. Матюшиным: «Верхушки сосен мерзнут над водою / И Уусикиркко в омуте из звезд».

Гуро – значимая для Іваніва величина, крайне современная и непосредственно связанная с новейшей поэзией, в частности с Д. Гатиной: «В общности, сближающей поэтику Елены Гуро и Дины Гатиной, следует отметить два важных мотива. Первый касается описанного в литературоведении мифа Гуро о воплощении юноши-сына <...> Еще одно, менее описанное свойство поэзии Гуро – это эффект постоянно возникаемой при чтении жизни, совершенно вегетативное ощущение, как во время обморока – когда человек только дышит и пульсирует; эта основа биологической жизни воссоздается в творимом тексте Гуро и вновь возникает через сто лет» [Іванів, 2011а, с. 167].

С этим ощущением связан специфический режим работы творческого воображения, в котором, во-первых, не разделены встреча и прощание, и, во-вторых, взаимопереходят «травма» и «сновидение»: «Если ты находишься с поэтом в общей временной трубе <...> когда главным предстает *tourment*, жаркая *мусикийская лихорадка* <...>, то когда ты читаешь – то испытываешь состояние травмы – а сама травма, или *Traum*, сновидение, – заживляет в себе испепеляющую боль, – то, когда этот феникс вновь возрождается, с каждой раной, с каждой весной – ты видишь, так устроено время, – лишь радостное, экстатическое солнечное детство – которое никогда не закатится и сияет новой жизнью» [Там же].

«Сновидность» и «детскость» в этом тексте обнаруживает еще одну грань: образцом для вживания в эстетическую реальность оказывается игра в куклы: «Однажды мне довелось ехать в поезде, в плацкартном вагоне и сначала слышать детскую речь – две девочки играли с одной куклой, – а затем видеть. В их словах было видно все воображение – они буквально находились в том месте и видели то, что говорили, с запинкой перед каждым образом» [Там же, с. 168]. Возможность возвращаться к такой обратимости материи воображения – уникальное качество Д. Гатиной и Е. Гуро.

В другой работе, посвященной Е. Гуро и В. Хлебникову, Иванів, отчасти повторяя сказанное, говорит о творческом воображении Гуро как «духовидении», в котором ирреальное позволяет упорядочивать реальное: «Этот тайный образ духовидения воплощается яснее в фигуре Бедного рыцаря и заветном мифе о Вильгельме Ноттенберге. И здесь это уже не воображение засыпающего ребенка, а предсмертная греза великой духовидицы. Предсмертная греза, которая входит в центр создаваемой картины, тень, которая удерживает в себе всю книгу. Именно благодаря появлению этого небывшего Бедного рыцаря создается яростная живучесть всех иных ее описаний» [Иванів, 2011б].

Таким образом, «Себастиан во сне» – это не только *снящийся*, но и *снящийся* герой, который, умирая и исчезая, приобретает значение центра поэтического мира. Важно и то, что в «духовидческой» версии Гуро Себастиан-Вильгельм пересекается с Себастьяном из «Города Винограда», апеллирующего к зрителю и организуя ему мир одним своим присутствием.

Некоторые мотивы стихотворения могут быть объяснены совокупностью отсылок к книгам Е. Гуро, так или иначе связанным с мифом о Вильгельме-Гильоме. Во-первых, в качестве имеющего аллюзивное значение можно рассматривать мотив обреченности гибели, который в тексте связан и с «окровавленностью» в начале («рубашка вся в крови»), и с описанием несчастного случая на льду в финале («и хлещет кровь, и хлещет кровь волной»).

В «Бедном рыцаре» «воздушный юноша» не погибает, а перестает являться Эльзе, но несколько раз в тексте сверхповести он является перед ней окровавленным: «Однажды <...> ей показалось, что под рукавом рубашки наметила кровь»; «Какие у него измученные плечи, точно его били плетью» (Гуро, 2015, с. 13, 52) и др. В «Осеннем сне» герой умирает от последствий огнестрельного ранения на охоте, хотя всеми персонажами пьесы истинная причина усматривается, скорее, в его изначальной хрупкости и неотмирности: «Как он быстро слабеет, и мама говорит без видимой причины»; «Царапина... пустяк. Так, нервное потрясение. <...> Не от этого, от другого протянул бы ноги» (Гуро, 1996, с. 201).

Во-вторых, к Гуро вполне можно возвести и мотив сна, который в «Осеннем сне» выступает двойной метафорой смерти-бессмертия: «Но в утро осеннее, час покорно-бледный, / Пусть узнают, жизнь кому, / Как жил на свете рыцарь бедный / И ясным утром отошел ко сну. / Убаюкался в час осенний, / Спит с хорошим, чистым лбом» (Гуро, 2001, с. 32). Там же, в коротком отрывке «Меж сном и не-сном» сон – знак визионерских способностей поэта: «Так для меня соединилось, что я слышала воскресение душ и сияющую пристань найденной наконец радости и глубокий, медовый сон молодости еще небывалых творений и возможного. И я услышала миги живыми и душу их соединений; что будет Воскресение каждой пушинки красоты...» (Гуро, 2001, с. 116).

В-третьих, с «Бедным рыцарем» Гуро может быть соотнесен инцестуальный мотив, поскольку Эльза, испытывая растущую привязанность к «воздушному юноше», связана с ним не только отношениями матери и сына, но и отношениями «госпожи» и «рыцаря»: «Отчего нельзя мне, рыцарь, / Видеть вас при свете солнца? / Потому что надо верить, / Надо верить и без солнца, и без солнца, / возлюбленная моя!» (Гуро, 2015, с. 33).

Впрочем, исследователями эта линия у Гуро рассматривается не только в контексте инцестуального фона [Гурьянова, 1999, с. 76–78]. Е. Тырышкина, отмечая очевидную связь атрибутов «эфирного юноши-сына» с атрибутами Христа, говорит «о Богородичном автомифе» [Тырышкина, 1999, с. 155]; Е. Мельничук усмат-

ривает в характере отношений героев «посвятительный ритуал, в котором посвящающим является рыцарь», открывающий матери «тайну любви», «которая олицетворяется в красоте, в благодати, в правде, в самоотдаче» [Mielniczuk, 2018, p. 83].

Последний тезис хорошо резонирует с выводами В. Іваніва об «инструментальном» характере образа «эфирного юноши» у Гуро, позволяя в качестве наиболее важных выделить те фрагменты, в которых отмечается его протеистическая природа: «Она еще часто видела, как он входил в облака и в животных, в деревья, цветы и метелки трав, независимо от их величины. И всегда было слезное просветление вещи»; «Свет и добро очень плавкие, они воплощаются во все – печаль в радость, облако в любовь, любовь в сияние воды» (Гуро, 2015, с. 21–22).

Себастиан-Вильгельм в этом контексте прочитывается как жертва, которая открывает другим путь к бессмертию и бесконечной полноте бытия. Эта жертва – поэт-визионер, и стихотворение одновременно пророчествует о его смерти, рисует эту смерть и оказывается воспоминанием о ней. Шагом от первого ко второму и третьему становится экстатическое расширение мира: «И Усикирко в омуте из звезд». Типологически оно тоже восходит к видениям в прозе Е. Гуро: «Раз когда Лиза лежала на кровати, уничтожился над ней потолок и раскрылись синие пространства, звезды стали над звездами, ярус над ярусом» (Гуро, 2015, с. 14).

«Качели», «мост» и «лодка», которые появляются далее у В. Іваніва, также могут быть соотнесены с некоторыми фрагментами текстов Е. Гуро. С мостом соотносится фигура «эфирного юноши»: «Это не мостик сосновый, а мой белокурый сын. И он говорит: “Я мостик через реку, я мостик с одной стороны на Другую. Я не смертью был взят, я мостик стал, а ты скорей перейди по мне”» (Гуро, 2015, с. 32). Качели – образ, связанный с детскостью героя: «Мы качались в гамаке и мечтали о бессмертии души, молодые сосны были в солнце. Петли скрипели. Мы себя мнили почти духами. Качели летали. Вечная юность – да ведь это достижимо!» (Гуро, 2001, с. 76). Лодка – знак близкой беды, которая отодвигается заговором-заклинанием: «Рыбка моя лодочка / не посмей тонуть / С красной да полосочкой, / ходкая мигнуть» (Гуро, 2001, с. 68).

В то же время стоящие у В. Іваніва в одном ряду «качели» и «маятник» очевидно соотносятся с еще одним близким будетлянским контекстом – хлебниковским: «Закон качелей велит / Иметь обувь то широкою, то узкою. / Времени то ночью, то днем, / А владыками земли быть то носорогу, то человеку» (Хлебников, 1986, с. 75). Об этом законе В. Іванів пишет в статье о Хлебникове и Гуро: «Но закон качелей велит: чтобы просиявшее солнце воображения в своем высочайшем зените – в действительности несло мучительную гибель от ночевки на голой земле» [Іванів, 2011б].

Эта связь «зенита» и «смерти», визионерского предсказания и гибели связана с центральной частью стихотворения В. Іваніва: «Верхушки сосен мерзнут над водою / И Усикирко в омуте из звезд / Носился над водою шепот хвои / И под ногой раскачивали мост // Как маятник – Стрелец со Скорпионом / И лодка не плывет а кажется плывет / Как на качелях и мишенях – вон он / Вильгельм шатается и падает на лед».

Стрелец и Скорпион, получающие значение знаков, сулящих опасность и гибель, также, хотя и не напрямую, могут быть соотнесены с Хлебниковым. Как отмечает Б. Леннkvист, хлебниковские *созвездий нити* легко ассоциируются <...> с провидчеством, с прядением судьбы» [Леннkvист, 1999, с. 234]. В прозе самого В. Іваніва тоже можно найти следы такого «прядения», во всяком случае, им точ-

но обозначен опаснейший лиминальный период – зимний: «Проснулся. Дела стоят. Включил было брюнетов с собачкой, но вместо них прислали румын с дудками. Не могу румын. <...> И так всегда с Восстания Декабристов до Старого нового года. Невыносимая мука. Огонечки светятся, снежки летят, пахнут еловые лапы. Удаться хочется. А, вернее, так, как будто уже удавился!» (Иванів, 2012, с. 270).

Но в целом зима как гибельное время совсем не пересекается с образно-смысловыми контекстами Е. Гуро и В. Хлебникова. В этом можно увидеть уже переход к немецким аллюзивным контекстам стихотворения. Именно с осенью-зимой связаны две смерти поэтов – самоубийство Г. Тракля (3 ноября 1914 г.) и гибель на зимней реке Г. Гейма (16 января 1912 г.). Именно с этими фигурами, с определенными оговорками, как кажется, можно связать заключительный катрен стихотворения, в котором идет речь о несчастном случае на льду: «Ходули ищут дно, коньки занес над горлом / И хлещет кровь и хлещет кровь волной / О берег бьется маятник над взморьем / И стекла бьет у полночи дневной».

Г. Гейм утонул, ему не перерезали горло коньками, но с ним тоже связан мотив поэта-грезовидца, увидевшего свою смерть, что едва ли могло пройти мимо внимания В. Иваніва, интересовавшегося «прозрением собственной смерти» [Иванів, 2012, с. 175]. Как отмечают К. Матросов и А. Черный, «миф о Гейме-прорицателе <...> стал частью биографического канона» [Матросов, Черный, 2019, с. 353]. Они же перевели и «профетическую» запись поэта от 2 июля 1910 г.: «Я стоял у огромного озера, покрытого чем-то вроде каменных плит. Мне показалось, что вода замерзла. <...> Внезапно плиты подо мной исчезли, но я не провалился. Некоторое время я продолжал двигаться прямо по воде. И тут мне пришло в голову, что я могу провалиться. В этот момент я стал погружаться в зеленую, грязную, илистую воду» [Там же, с. 361].

Зима и стужа – важные элементы поэтического языка Г. Гейма, о чем в комментариях к его изданию пишет А. Маркин: «Зима, снег, стужа, холод, лед, мороз как метафоры смерти, остановившейся, застывшей жизни – один из традиционных образов в европейской культуре. Поэты немецкого экспрессионизма активно использовали этот мотив, и Гейм не является здесь исключением: зима для него является воплощением *Endzeit* – конца времени, пустоты. Этот мотив поэт варьирует во многих своих стихотворениях» [Маркин, 2004, с. 417]. Однако конкретных цитатных пересечений с «зимними» текстами Гейма у Иваніва нет.

С Г. Траклем стихотворение В. Иваніва тоже сближает несколько общих мотивов, но в этом случае совпадения носят более конкретный характер. Во-первых, Тракль близок Иваніву как поэт, в творчестве которого концепт «сна» имеет определяющее значение. Об этом пишет Н. Пестова: «Широкий простор для проявления признака *нереференциальность* дает концептосфера “Traum”, в которой *нереференциальность поэтического языка* еще и полностью легитимируется. <...> В этом <...> “раю гибельных грез” <...> и разворачивается само бытие. Внутри траклевской концептосферы “Traum” сплав коллизий его жизненного пути и причудливого пути поэтического вымысла настолько крепко и неразделимо, что рождается “нечто третье, и сам поэт верит в собственные мифы как в действительное”» [Пестова, 2015, с. 178–179].

Себастьян для Тракля – прежде всего грезовидец, что пересекается с впечатлением В. Иваніва от работы Г. Бальдунга. Специфическую «сновидную» семантику этого образа у Тракля характеризует Н. Болдырев: «Конечно же, поэт был далек от того, чтобы напрямую ассоциировать своего лирического героя с раннехристи-

анским мучеником <...> Тракль ассоциирует Себастьяна с грезой, его Себастьян – принимающий муки <...> и в то же время – грезящий, сновидящий. <...> Страдать и грезить одновременно, принимать муки и блаженно сновидеть одновременно – поистине парадокс, но именно он-то и есть один из ключиков к пониманию “мировоззрения Тракля”» [Болдырев, 2000, с. 368–369].

Во-вторых, в числе значимых для В. Иваніва лейтмотивов можно отметить мотив ранней смерти, который соотносится у Г. Тракля с целым рядом героев авторского мифа. В этой связи ключевым оказывается не стихотворение «Себастиан во сне», как можно предположить, исходя из первой строки, а стихотворение «К умершему в юности», в котором появляется мотив перерезанного горла: «O, das Blut, das aus der Kehle des Tönenden rinnt, / Blaue Blume; o die feurige Träne / Geweint in die Nacht. // Goldene Wolke und Zeit. In einsamer Kammer / Ladst du ofter den Toten zu Gast» («О, кровь, что из певчего горла бежит, / Голубой цветок; о, горящие слезы, / Пролитые ночью. // Золотая слава лучей, и время. / В тиши / Приглашаешь ты мертвого часто к себе») (Тракль, 2000, с. 224–225).

Отметим, что в одной из мемуарных записей, связанных с Траклем, у Т. Дойблера, появляется значимый в контексте интерпретации стихотворения Иваніва образ смерти как падения в воду: «Стоя на берегу Стикса, я размышлял над его словами: “Как умирать – безразлично: смерть так страшна, потому что она падение, и то, что ему предшествовало и что за ним последует, не имеет значения”. <...> Внезапно в испуге отшатываюсь от Стикса: “Так вот он каков, прыжок в черную воду!”» [Базиль, 2000, с. 257–258].

Стоит отметить, что драматизм мировосприятия, свойственный Г. Траклю, обладает еще одной чертой, сближающей его с художественной системой В. Иваніва: сопряженностью полюсов, переходом «травмы» и «сна». С. Аверинцев считает этот принцип определяющей чертой лирики Тракля: «В центре лирики Тракля, как и приличествует “проклятому поэту”, – парадоксальное тождество света и мрака, духовности и кощунства, притом тождество это понимается им самим как знак исторической или метаисторической катастрофы, как эсхатологическое знамение Endzeit, “последних времен”» [Аверинцев, 1999, с. 204]. Одной из слагаемых этой катастрофы, как пишет Аверинцев, оказывается и значимое у Иваніва «инцестуозное безумство».

Таким образом, некоторые ключевые образы стихотворения В. Иваніва допускают полигенетическое, «русско-немецкое» объяснение: это мотивы сна, гибели поэта, предвидения смерти, взаимоперехода экстатического и травматического. Связь русского и немецкого в тексте и внутри- и внелитературная. Внутрিলитературная – поскольку «эфирный юноша» Гуро носит немецкое имя и «очень похож на сконфуженного немецкого юношу» (Гуро 1996, с. 186). Внелитературная – поскольку смерть Гуро (1913) и самоубийство Г. Тракля (1914), с очевидными оговорками, относятся к одной и той же эпохе. Неслучайность этих совпадений для В. Иваніва, который пишет стихотворение по мотивам Г. Тракля ровно сто лет спустя, вполне очевидна.

Поверхностные схождения типологического плана в тексте углубляются за счет выявления мотивных пересечений между русской и немецкой линиями: Иванів отмечает, что Гуро и Тракль объединяют «сновидность» мировосприятия, мотив гибнущей до срока талантливой юности, обратимость «сна» и «травмы», выхода за пределы конвенций социального бытия, связанный с инцестуальным мотивом.

Две важнейшие доминанты нюансируются с помощью других литературных отсылок – к В. Хлебникову и Г. Гейму. Важную роль, определяющую сам режим восприятия, имеют точечные выходы за пределы литературного поля – в частности фоновая аллюзия к работе Г. Бальдунга и, вероятно, отсылка к одному событию из истории спорта, которая заслуживает отдельного упоминания.

Мотив перерезанного горла поэта очевидно восходит к Траклю (и, вероятно, интерферирует со стихами В. Хлебникова памяти И. Игнатьева), однако то обстоятельство, что горло перерезано именно *коньками*, возможно, мотивировано воспоминанием «хоккейного» характера: 22 марта 1989 г. вратарь команды «Баффало» Клинт Маларчук получил именно такое ранение, и от смерти его спасло только чудо. При всей экзотичности это предположение не кажется совсем невероятным, поскольку спорт – постоянный предмет рефлексии В. Иванова, а в сборнике «Себастиан и в травме» есть два стихотворения, посвященные хоккеистам – «Песня Ягра» (о Яромире Ягре) и «Песня Селянне» (о Теему Селянне).

Резюмируем основные наблюдения. Стихотворение «Себастиан во сне» – авторефлексивный поэтологический текст, где речь идет о судьбе поэта, который воспринимается как жертва, возвращающая мир к состоянию первозданности. Он знает о своей обреченности, но видит в ней осуществление того, что провиденциально предопределено, и не делает ничего для своего спасения. О смерти-жертве известно другим поэтам, которые о ней и пророчествуют, и свидетельствуют. Выдвинутость к последнему пределу – характерная черта поэта-грезовидца; связанный с этой ролью «кенотический» сценарий универсален и одинаково разыгрывается в разных исторических и культурных декорациях. Это определяет интерференцию в тексте русско-немецких аллюзий.

Эти аллюзии в стихотворении взаимно трансформируются, при этом факторами изменений оказываются не только литературные, но внелитературные впечатления. «Текст культуры» предполагает вовлечение, снятие границ между словом и реальностью. Смысловые измерения, в которых герой носит имена Вильгельм и Себастьян, отождествляются; «эфирный юноша» из повести Е. Гуро погибает на льду реального озера Кирккоярви, взятые из ее текстов «лодка», «мост», «качели» становятся деталями пространства Уусикиркко; метафора перерезанного горла из текста Г. Тракля «натурализуется», приобретая конкретность. Литературный миф утверждается в зримости предметных деталей и, по В. Иванову, разыгрывается в реальной жизни поэта.

Список литературы

Аверинцев С. Георг Тракль: «poète maudit» на австрийский манер // Вопросы литературы. 1999. № 5. С. 196–212.

Базиль О. Георг Тракль, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. Екатеринбург: Урал LTD, 2000. 394 с.

Болдырев Н. Грезающий Себастьян Тракль // Базиль О. Георг Тракль, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. Екатеринбург: Урал LTD, 2000. С. 366–392.

Гурьянова Н. А. «Бедный рыцарь» и поэтика алхимии: феномен «творчества духа» в произведениях Елены Гуро // Studia Slavica Finlandensia Т. XVI / 1: Школа органического искусства в русском модернизме / Eds. N. Baschmakoff, O. Kuslina, I. Loscilov. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies, 1999. С. 63–88.

Леннkvист Б. Мироздание в слове. Поэтика Велимира Хлебникова. СПб.: Академический проект, 1999. 234 с.

Либман М. Я. Ганс Бальдунг, по прозвищу Грин // Либман М. Я. Очерки немецкого искусства позднего Средневековья и эпохи Возрождения. М.: Сов. художник, 1991. С. 177–189.

Маркин А. Примечания // Гейм Г. Небесная трагедия: Стихотворения / Пер. с нем. М. Гаспарова. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 408–431.

Матросов К. В., Черный А. В. «Мои сны» Георга Гейма как литературный источник // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4, № 1. С. 348–369.

Пестова Н. В. Австрийский литературный экспрессионизм. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2015. 273 с.

Тыршикина Е. Религиозная концепция Е. Гуро и принципы авторской репрезентации в свете апокрифической традиции // *Studia Slavica Finlandensia* Т. XVI / 1: Школа органического искусства в русском модернизме / Eds. N. Baschmakoff, O. Kuslina, I. Loscilov. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies, 1999. С. 150–161.

Хроника поэтического книгоиздания в аннотациях и цитатах. Декабрь 2013 – май 2014 // *Воздух*. 2014. № 2–3. С. 276–320.

Хроника поэтического книгоиздания в аннотациях и цитатах. Октябрь 2015 – январь 2016 // *Воздух*. 2016. № 1. С. 239–278.

Иванів В. Комната матери и ребенка. О Дине Гатиной // *Воздух*. 2011а. № 1. С. 167–169.

Иванів В. Чистая книга: «Извещаю госпожу мою тень». О В. Хлебникове и Е. Гуро // *Трамвай*. 2011б. № 4. URL: <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=3999&PHPSESSID=0fc30fc155af6778122d330ec70613de> (дата обращения 20.08.2020).

Иванів В. Погибель *pénible*: Об Андрее Родионове // *Воздух*. 2012. № 1–2. С. 175–178.

Koerner J. L. The Mortification of the Image: Death as a Hermeneutic in Hans Baldung Grien // *Representations*. 1985. No. 10. P. 52–101.

Kotke I. Hans Baldung Grien's Reworking of Religious Motifs in His Early Career. Honors Thesis. University of North Carolina at Chapel Hill, 2018. 120 p.

Mielniczuk J. Категория рыцарства и символика рыцаря в сверхповести Елены Гуро «Бедный рыцарь» (в контекстуальном освещении) // *Acta Humana*. 2018. № 9. P. 77–90.

Список источников

Гуро Е. Бедный рыцарь. М.: МОК, 2015. 116 с.

Гуро Е. Небесные верблужата. Избранное. СПб.: Лимбус Пресс, 2001. 244 с.

Гуро Е. Сочинения. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1996. 394 с. (Modern Russian literature and culture. Studies and texts / Ed. by L. Fleishman et al.; Vol. 34)

Траклъ Г. Стихотворения. Проза. Письма. СПб.: Симпозиум, 2000. 644 с.

Хлебников В. Творения. М.: Сов. писатель, 1986. 736 с.

Иванів В. Себастиан и в травме. М.: Коровакниги, 2015. 60 с.

Иванів В. Чумной покемарь. New York: Ailuros Publ., 2012. 325 с.

References

- Averintsev S. Georg Trakl': "poète maudit" na avstriyskiy maner [Georg Trakl: "poète maudit" in the Austrian manner]. *Voprosy literatury*. 1999, no. 5, pp. 196–212.
- Basil O. *Georg Trakl', sam svidetel'stvuyushchiy o sebe i o svoey zhizni* [Georg Trakl, himself a witness to himself and his life]. Ekaterinburg, Ural LTD, 2000, 394 p.
- Boldyrev N. Grezyashchiy Sebast'yan Trakl' [Dreaming Sebastian Trakl]. In: Basil O. *Georg Trakl', sam svidetel'stvuyushchiy o sebe i o svoey zhizni* [Georg Trakl, himself a witness to himself and his life]. Ekaterinburg, Ural LTD, 2000, pp. 366–392.
- Gur'yanova N. A. "Bednyy rytsar'" i poetika alkhimii: fenomen "tvorchestva dukha" v proizvedeniyakh Eleny Guro ["The Poor Knight" and the Poetics of Alchemy: The Phenomenon of the "Creativity of the Spirit" in the Works of Elena Guro]. In: *Studia Slavica Finlandensia. Vol. 16/1. Shkola organicheskogo iskusstva v russkom modernizme* [Studia Slavica Finlandensia. Vol. 16/1. The School of organic art in Russian modernism]. N. Baschmakoff, O. Kuslina, I. Loscilov (Eds.). Helsinki, Institute for Russian and East European Studies, 1999, pp. 63–88.
- Ivaniv V. Chistaya kniga: "Izveshchayu gospozhu moyu ten'". O V. Khlebnikove i E. Guro [A clean book: "I notify my mistress shadow". About V. Khlebnikov and E. Guro]. *Tramvay*. 2011b, no. 4. URL: <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=3999&PHPSESSID=0fc30fc155af6778122d330ec70613de> (accessed 21.01.2021).
- Ivaniv V. Komnata materi i rebenka. O Dine Gatinoy [Room of mother and child. About Dina Gatina]. *Vozdukh*. 2011a, no. 1, pp. 167–169.
- Ivaniv V. Pogibel' pénible: Ob Andree Rodionove [The death of pénible: About Andrei Rodionov]. *Vozdukh*. 2012, no. 1–2, pp. 175–178.
- Khronika poeticheskogo knigozdaniya v annotatsiyakh i tsitatakh. Dekabr' 2013 – may 2014 [Chronicle of poetic book publishing in annotations and quotations. December 2013 – May 2014]. *Vozdukh*. 2014, no. 2–3, pp. 276–320.
- Khronika poeticheskogo knigozdaniya v annotatsiyakh i tsitatakh. Oktyabr' 2015 – yanvar' 2016 [Chronicle of poetic book publishing in annotations and quotations. October 2015 – January 2016]. *Vozdukh*. 2016, no. 1, pp. 239–278.
- Koerner J. L. The Mortification of the Image: Death as a Hermeneutic in Hans Baldung Grien. *Representations*. 1985, no. 10, pp. 52–101.
- Kottke I. *Hans Baldung Grien's Reworking of Religious Motifs in His Early Career*. Honors Thesis. University of North Carolina at Chapel Hill, 2018, 120 p.
- Libman M. Ya. Gans Bal'dung, po prozvischchu Grin [Hans Baldung, nicknamed Grien]. In: Libman M. Ya. *Ocherki nemetskogo iskusstva pozdnego srednevekov'ya i epokhi Vozrozhdeniya* [Essays on German Art of the Late Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Sov. khudozhnik, 1991, pp. 177–189.
- Lönqvist B. *Mirozdanie v slove. Poetika Velimira Khlebnikova* [The universe in the word. The poetics of Velimir Khlebnikov]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 1999, 234 p.
- Markin A. Primechaniya [Notes]. In: Geym G. *Nebesnaya tragediya: Stikhotvoreniya* [Heavenly tragedy: Poems]. M. Gasparov (Transl. from German). St. Petersburg, Azbuka-klassika, 2004, pp. 408–431.
- Matrosov K. V., Chernyy A. V. "Moi sny" Georga Geyma kak literaturnyy istochnik ["My dreams" by Georg Heym as a literary source]. *Studia Litterarum*. 2019, vol. 4, no. 1, pp. 348–369.
- Mielniczuk J. Kategoriya rytsarstva i simvolika rytsarya v sverkhpovesti Eleny Guro "Bednyy rytsar'" (v kontekstual'nom osveshchenii) [The category of chivalry and the

symbolism of the knight in Elena Guro's super story "The Poor Knight" (in contextual lighting)]. *Acta Humana*. 2018, no. 9, pp. 77–90.

Pestova N. V. *Avstriyskiy literaturnyy ekspressionizm* [Austrian literary expressionism]. Ekaterinburg, USPU Publ., 2015, 273 p.

Tyryshkina E. Religioznaya kontseptsiya E. Guro i printsipy avtorskoy reprezentatsii v svete apokrificheskoy traditsii [The religious concept of E. Gouraud and the principles of author's representation in the light of the apocryphal tradition]. In: *Studia Slavica Finlandensia. Vol. 16/1. Shkola organicheskogo iskusstva v russkom modernizme* [Studia Slavica Finlandensia. Vol. 16/1. The School of organic art in Russian modernism]. N. Baschmakoff, O. Kuslina, I. Loscilov (Eds.). Helsinki, Institute for Russian and East European Studies, 1999, pp. 150–161.

List of sources

Guro E. *Bednyy rytsar'* [The Poor Knight]. Moscow, MOK, 2015, 116 p.

Guro E. *Nebesnye verblyuzhata. Izbrannoe* [Heavenly camels. Favorites]. St. Petersburg, Limbus Press, 2001, 244 p.

Guro E. *Sochineniya* [Works]. Oakland, Berkeley Slavic Specialties, 1996, 394 p. (Modern Russian literature and culture. Studies and texts. L. Fleishman et al. (Eds.), Vol. 34).

Ivaniv V. *Chumnoy pokemar'* [Awake dreamer]. New York, Ailuros Publ., 2012, 325 p.

Ivaniv V. *Sebastian i v travme* [Sebastian in trauma]. Moscow, Korovaknigi, 2015, 60 p.

Khlebnikov V. *Tvoreniya* [Creations]. Moscow, Sov. pisatel', 1986, 736 p.

Trakl' G. *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma* [Poems. Prose. Letters]. St. Petersburg, Simpozium, 2000, 644 p.

Информация об авторе

Александр Анатольевич Житенев, доктор филологических наук, доцент

Scopus Author ID 57195330838

WoS Researcher ID A-6088-2016

Information about the author

Aleksandr A. Zhitenev, Doctor of Philology, Associate Professor

Scopus Author ID 57195330838

WoS Researcher ID A-6088-2016

Статья поступила в редакцию 23.01.2021;

одобрена после рецензирования 15.03.2021; принята к публикации 15.03.2021

The article was submitted 23.01.2021;

approved after reviewing 15.03.2021; accepted for publication 15.03.2021